

Отсюда установка Г. на образную парадоксальность, на смысловой сдвиг, допускающий алогизм как осознанный прием. Иллюстрацией может быть стих., состоящее из трех катренов, два из которых можно посчитать «заумными». Таково начало: «Моя свеча, но как тебе горится? / Вязанье пса на исповедь костей. / Пусть кровь подскажет, где моя граница. / Пусть кровь подскажет, где моя постель». Вторая строфа, несмотря на перебор образной орнаментальности, более вразумительна. Последняя же вновь возвращает читателя к неким «отраженным», лишь намекающим на смыслы значениям: «В саду прохладно, как в библиотеке. / В библиотеке сладко, как в саду... / И кодеин расплатится в аптеке, / Как Троцкий в восемнадцатом году». Один из распространенных композиционных ходов в лирике Г.— прихотливое выстраивание образных цепочек, когда связи между параллельными рядами весьма приблизительны, а также многократное повторение найденных метафор. В популярном среди смогистов стих. «**Я беру кривоногое лето коня...**» помимо первой строки, окольцовывающей целое, повторяются и др. «ударные» образы: «серый конь моих глаз» (четырежды) и «белый пруд твоих рук» (дважды). К недостаткам стихов Г. можно отнести длинноты некоторых его лирических излияний, излишнюю цитатность текстов. Так, стих. «**Задыхаюсь рыдающим небом...**» — один из заметных манифестов «потрепанного поколения» — содержит внятные, весомые декларации: «Мы повержены, но не повешены. / Мы придушены, но не потушены. / И словами мы светимся теми же, / Что на белых хоругвях разбужены». В то же время в этой страстной исповеди погибающего на дне «Москвы кабацкой» человека многовато отсылок к культурным источникам, а заканчивается она слегка переиначенной цитатой из А. Ахматовой: «Задыхаясь рыдающим небом, / О себе я уже не заплачу!» Однако «уникальная талантливость» (Е. Евтушенко), «лирическая отвага» (М. Айзенберг) Г. делают его поэзию несомненным феноменом русского стиха XX в.

Соч.: Стихи // День поэзии. М., 1984; Стихи // Волга. 1990. № 6; [Стихи] // Поэзия: альм. М., 1990. № 55; Стихи разных лет. Письма // Дар. 1992. № 1; Волчьи ягоды: стихи // Знамя. 1993. № 4; Из книги «Иконостас»: стихи // Юность. 1994. № 2; Ангел в снегу: стихи. М., 1994; Стихи // Строфы века: антология русской поэзии. Минск; М., 1995; Малая антология СМОГа. Леонид Губанов: стихи // Новое лит. обозрение. 1996. № 20; «Я сослан к Музе на галеры...» М., 2003.

Лит.: Мартынов И. Я ведь тоже когда-то жил... // Собеседник. 1989. № 10. Март; Седакова О. О погибшем лит. поколении — памяти Лени Губанова // Волга. 1990. № 6; Крохин Ю. Профили на серебре: повесть о Леониде Губанове. М., 1992; Шохина В. Дети непобедителей: К 30-летию СМОГа // Независимая газ. 1995. 14 апр; Ширялин А. Я на рассвете жуткого письма: О поэте Л. Губанове // Наука и религия. 1995. № 7; Борисов А. Леня, Ленечка Губанов, российский Рембо // Лит. газ. 1996. № 50. 11 дек.; Кулаков В. СМОГ: взгляд из 1996 года // Новое лит. обозрение. 1996. № 20; Шмелькова Н. Знаю я, что меня берегут на потом...: К 50-летию со дня рождения Леонида Губанова (1946–83) // Новое лит. обозрение. 1996. № 20; Дардыкина Н. Уставший вопрошать и бастовать. Леонид Губанов: рассказ о поэте // Московский комсомолец. 1997, 28 марта; Климонтович Н. Ленечка: О Леониде Губанове // Дружба народов. 1998. № 5; Кублановский Ю. На свету и в темноте лирической самобытности // Новый мир. 2004. № 1; Ермакова А. Неидеальные тексты // Знамя. 2004. № 2; Бондаренко В. В рубриках великих слов: Леонид Губанов, варвар русской поэзии // Независимая газ. 2004. 18 марта; Алейников А. Голос и свет, или СМОГ — самое молодое общество гениев. М., 2004.

Ю. П. Иванов

ГУДЗЕНКО Семен Петрович [5.3.1922, Киев — 12.2.1953, Москва] — поэт.

Родился в семье инженера-строителя, в 1939–41 учился в Московском историко-философском и лит. ин-те, в июле 1941 ушел добровольцем на фронт, участвовал в боях под

С. П. Гудзенко

Москвой, зимой 1942 в составе лыжного отряда воевал в Смоленской обл., где был ранен; позднее работал литсотрудником военной газ. Первые стихи Г. опубликовал в армейской печати в 1941. В последующие годы вышли его книги **«Однополчане»** (1944), **«Стихи и баллады»** (1945), **«После марша»** (1947), **«Закарпатские стихи»** (1948), **«Битва»** (1948), **«Дальний гарнизон. Поэма»** (1953), **«Новые края»** (1953).

Наиболее значительными в творчестве Г. являются его фронтовые стихи и баллады. В стих. **«Перед атакой»** поэт выразительно и правдиво рассказал о психологическом состоянии солдата перед боем: «Когда на смерть идут,— поют, / А перед этим можно плакать. / Ведь самый страшный час в бою — / Час ожидания атаки... Мне кажется, что я магнит, / Что я притягиваю мины. / Разрыв — и лейтенант хрипит. / И смерть опять проходит мимо. / Но мы уже не в силах ждать. / И нас ведет через траншеи / Окоченевшая вражда, / Штыком дырявящая шеи. / Бой был короткий. А потом / Глушили водку ледяную / И выковыривал ножом / Из-под ногтей я кровь чужую».

Среди баллад Г. выделяются своей психологической проникновенностью и достоверностью **«Баллада о дружбе»** (1942–43) и **«На снегу белизны госпитальной...»** (1945). Фронтовая дружба проверяется трагедийным, но добровольным выбором: кому из друзей идти на боевое задание, с которого трудно вернуться живым: «Не зря мы дружбу берегли, / Как пехотинцы берегут / Метр окровавленной земли, / Когда его в боях берут». В балладе «На снегу белизны госпитальной...» Г. рассказал о самоотверженности военного врача, который, спасая других, погибает сам: «...Одного человека не спас военврач — / Он лежит на снегу белизны госпитальной». Лирическую проникновенность балладе придает обращение поэта к девушке с просьбой не плакать о своем ненаглядном и милом, хотя поэт и чувствует, что о таком самоотверженном человеке, как погибший военврач, не плакать нельзя.

В стих. «Мы не от старости умрем,— / От старых ран умрем мы» Г. не только предсказал свою раннюю смерть, но и сказал, от чего будут умирать др. фронтовики. Характерен для многих, вернувшихся с войны, и вопрос, который волнует героя стих.: «Он хочет знать, что было здесь, / Когда мы были там...» Этот вопрос солдата мог быть обращен как к женщине, так и к обществу. Судьба, к сожалению, не отпустила Г. времени, чтобы он смог искать ответ на этот вопрос.

Соч.: Избранное: стихи и поэмы / вступ. статья Е. Долматовского. М., 1957; Армейские записные книжки. М., 1962; Завещание мужества: стихи. Главы из поэмы «Дальний гарнизон». Из записных книжек. Воспоминания друзей / вступ. статья Е. Долматовского; сост. О. Гудзенко. М., 1971; Стихотворения / предисл. С. Ярославцевой. М., 1985.

Лит.: Эренбург И. Стихи солдата // Знамя. 1944. № 5–6; Громов П. С. С. Гудзенко. Однополчане // Звезда. 1944. № 7–8; Антокольский П. Семен Гудзенко // Антокольский П. Поэты и время. М., 1957; Луконин М. Семен Гудзенко // Луконин М. Товарищ поэзия. М., 1963; Пьяных М. Ф. Лирические баллады С. Гудзенко военных лет // Науч. доклады литературоведов Поволжья. Астрахань, 1967; Коган А. Судьба как стихи: Семен Гудзенко // Коган А. Стихи и судьба: Фронтовая тема в советской поэзии. М., 1977; Ваншенкин К. Семен Гудзенко // Ваншенкин К. Лица и голоса. М., 1978.

М. Ф. Пьяных

ГУЛЬ Роман Борисович [1(13).8.1896, Киев — 30.6.1986, Нью-Йорк] — прозаик, мемуарист, критик, киносценарист, издатель.

Родился в семье юриста, богатого помещика и домовладельца. По отцу — потомок обрусевших шведов (дед писателя К. И. Гуль был незаконнорожденным сыном князя И. И. Вреде и Каролины Гуль); по матери — из старинного рода Вышеславцевых, выдвинувшихся при Иване III. Детство и отрочество провел в Пензе и имени отца, которого рано

Р. Б. Гуль